

Recenze

smrti a nezbytím duchovní obnovy; z dalších příspěvků vybírám jen text o dvojmí světě v Plášti z pera N. Platonovové (s. 156–171), o fantastičnu N. V. Gogola autora O. Kravčuka (s. 136–155), problém smyslové hranice v anekdotě (V. Krivonos, s. 172–188) a především nápadité poznámky „negogolologa“ B. Ivanjuka, vlastně detailní segmentaci povídky viděné „z krásné dálky“.

Co dodat? Sborník je jubilejní a snad právě to vedlo autory k tomuto ozvláštnění, ironicky řečeno, k až příliš velké originalitě. Příznačné je to, co jsem už několikrát napsal: s Gogolem se začíná znovu na zelené louce, s Gogolem jsme jakoby znovu na začátku; ze všech tradic gogolovského bádání je tu uváděna jen jedna, poměrně nedávná a značně úzká. Je pravda, že úzkého nástroje třeba, aby se proniklo do hlubin, ale tím nám někdy může uniknout často rozhodující blízké okolí.

Ivo Pospíšil

NOVÁ PRÁCE O JOSEFU JIRÁSKOVI

Franta Vladimír – Pospíšil Ivo: *Josef Jirásek jako rusista, slovákista a umělec slova.* Brno : Tribun EU, 2009.

Йозеф Йирасек (1884–1972) – выдающийся чешский филолог, внесший вклад в развитие чешской русистики, словакистики и компаративистики. Интересен он и тем, что его деятельность на ниве литературоведения подпитывалась особыми источниками вдохновения и силы: Йирасек сам был автором поэтических произведений, благодаря чему его взгляд на литературу был зачастую более проникновенным и чутким. К сожалению, сегодня значение вклада Йирасека незаслуженно недооценивается или, во всяком случае, недостаточно известно. Именно поэтому кажется своевременной попытка привлечь внимание к этой незаурядной личности, предпринятая Иво Поспишиллом и Владимиром Франтой в их совместной работе *Josef Jirásek jako rusista, slovákista a umělec slova*, изданной в 2009 году в г. Брно, в серии *Brněnské texty z filologicko-areálových studií*.

По-настоящему разносторонняя личность рождает ассоциацию с многогранным кристаллом. Книга Поспишила и Франты, призванная отразить эту разносторонность, построена таким образом, что перед читателем высвечиваются все грани уникальной личности Йозефа Йирасека – филолога, поэта, а также вдумчивого человека, глубоко понимающего свою современ-

ность и минувшее прошлое, а также, думается, предчувствовавшего намекающиеся тенденции будущего.

Авторы разделили книгу на четыре отдельных главы; тем не менее, внутренняя логика повествования позволяет выделить два раздела, или два ракурса, два вектора, по которым направлено авторское внимание.

Первому разделу соответствуют первые три главы книги, автор которых – Иво Поспишил. Из них мы узнаем о деятельности Йирасека в мире науки, а именно в области филологических изысканий. В первой главе перед нами проходит целая галерея ярких образов: Франтишек Вымазал, Алоис Аугустин Врзал, Сергей Вилинский, Франк Воллман, Роман Якобсон, Ярослав Буриан, Власта Влашинова, Мечислав Кргоун, Ярослав Мандат – сегодня каждого из них, без преувеличения, можно назвать светилом брненской русистики. И совершенно закономерно и оправданно среди этих имен названо имя Йозефа Йирасека. Причем, как прослеживает здесь автор книги, объединяет их не только несомненная ценность достигнутых ими научных результатов, но и важная особенность русистики в Брно и в Моравии – это взаимопроникновение или, в иных случаях, параллельное движение академической и неакадемической русистики.

Вторая глава посвящена Йирасеку – русисту. В центре внимания оказываются две фундаментальные работы, благодаря которым ученый прочно занял свое место в чешской и международной русистике: первая из них – монография *Přehledné dějiny ruské literatury*, вторая – книга *Rusko a my*. Обе работы Йирасека вводятся в контекст подобных размышлений и исследований, уже осуществленных ранее. Так, после довольно детального обзора структуры его Истории русской литературы, эта книга сопоставляется со сходными трудами Д. Чижевского, А. Врзала и М. Гралы.

Rusko a my, книга фундаментальная и крайне своевременная для чешской рецепции России, рассматривается, во-первых, в свете самой специфики русско-чешских взаимоотношений. Во-вторых, исследование Йирасека сопоставляется с известным трудом Т. Г. Масарика *Rusko a Evropa*; в центре нашего внимания, тем временем, оказывается третья его часть, относящаяся, по словам Иво Поспишила, к русистике «филологической», или «литературно-критической», или «литературоведческой». Это часть, посвященная Ф. М. Достоевскому.

Третья глава, *Йозеф Йирасек как словакист*, познакомит читателя с некоторыми аспектами проблематики чешско-словацких взаимоотношений. В этой главе также раскрывается ключевая роль Йозефа Йирасека в полемическом треугольнике Альберт Пражак – Йозеф Йирасек – Александр Мах.

Четвертой главой открывается второй раздел книги о Йирасеке: глава, подразделенная на шесть тематических параграфов, написана Владимиром Франтой. Внимательный читатель заметит существенные изменения в ха-

Recenze

рактуре повествования – оно здесь приобретает черты эссе, некую поэтичность и в некоторых случаях – довольно яркую эмоциональную окраску. Это проявляется и в отдельных наименованиях параграфов (например, *Verše – kancionál duše...*, *Ženská otázka ve stínu víry?*). Такие изменения не случайны и глубоко обоснованы основной целью этой части книги – воссоздать образ Йирасека – человека, литератора и гражданина.

В. Франта рассматривает важнейшие художественные особенности поэзии Йирасека, при этом предоставляя читателю значительное количество примеров самих стихотворений. Что особенно интересно, книга позволяет нам своими глазами увидеть и рукописные и машинописные поэтические работы Йирасека.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания близких и коллег о Йозефе Йирасеке (среди них, например, Р. Вечерка, Д. Кшицова, К. Лепилова, Й. Заградничек и др.). Эти ценнейшие свидетельства появляются на многих страницах книги, что позволяет читателям, которым не довелось быть лично знакомыми с ученым, воссоздать для себя по крупницам его образ.

Ключевому вопросу (*Kdo byl Josef Jirásek – jako člověk, jako básník?*“, s. 95) и соответствующему подходу к изложению материала („proto by i styl a způsob uchopení problému měl být alespoň částečně humanistický, částečně esejistický“, s. 94) вполне отвечает и характерная полемичность некоторых глав, в частности, посвященных вопросу религиозной основы творчества Йирасека. Некоторые мысли рождают чувство солидарности с автором раздела, иные, наоборот, вызывают несогласие – однако именно такая неоднозначность, или многозначность, и должна соответствовать сложной и интересной личности самого объекта изучения.

В обоих разделах книги затронута тема, которая, вероятно, еще долгое время будет оставаться не только актуальной и остро полемической, но и в какой-то степени болезненной. Это тема советского режима и, в данном случае, конкретно – тема существования мыслящего и тонко чувствующего человека, ученого и творца, в условиях жесткой советской диктатуры. С одной стороны, перед нами предстает Йирасек – литературовед, отважившийся на смелый и беспристрастный анализ советской литературы в своем труде *Přehledné dějiny ruské literatury*. Как при столь суровом контроле со стороны советской цензуры ему удалось отразить всю сложность феномена советского искусства – показать недостатки новой литературы, при этом не умаляя ее явных достоинств и находений? Этот аспект раскрыт в первой части книги, автором которой является И. Поспишил.

Совершенно в других интонациях и с иного ракурса описано взаимодействие Йирасека с советским режимом во втором разделе книги. По словам самого автора, В. Франты, его целью было, прежде всего, представить читателю Йозефа Йирасека – человека и художника слова („Smyslem není napsat

antivědeckou práci, naopak. Chce se napsat o Jiráskovi jako o člověku“, s. 94). Postavlená cíl, jak nam kažete, byla dostignuta, i blaodara etomu my mozem popytat' se ponjat' sostojanie duši geroya etogo povestvovaniya, predstavít sebe ego mysli i pereživaniya, v tom čísle v stol' nелеgкое время.

Достоинством книги, которую мы держим в руках, является и Приложение, содержащее официальные документы, непосредственно связанные с деятельностью Йирасека, а также его машинописные поэтические тексты.

Многосторонние размышления о Йирасеке, представленные в книге И. Поспишила и В. Франты, заставляют задуматься о том, насколько многообразны могут быть проявления творческого Я ученого. Становится очевидным, что нет критериев для однозначной оценки его, скажем так, «научной весомости». Порой невозможно сразу и во всей полноте воспринять вклад, привнесенный ученым в сокровищницу науки. В чем причина? Возможно, к этому не готовы его современники, а, может быть, сами по себе социально-политические условия создают на данный момент непреодолимую преграду. Одним словом, зачастую необходимо значительное временное расстояние, ибо время все неминуемо расставляет по местам.

Личность Йозефа Йирасека – показательный пример того, как масштабность исследовательского и творческого труда ученого начинает раскрываться лишь с течением времени и часто уже после ухода его самого из жизни. При этом значительность его вклада ни в коем случае не меркнет – напротив, подобно событиям древнего эпоса, она становится все более величественной и рождает в последующих поколениях новые импульсы и отклики. Один из первых и, надеемся, не последних, откликов – книга *Josef Jirásek jako rusista, slovakista a umělec slova* – перед нами.

Наталья Чувелева

KRITICKÉ MYŠLENÍ JE ČASTO VOJEM PROTI VŠEM

Život plný střetů. Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978). Sestavili Lukáš Babka a Petr Roubal. Bibliografie Jana Slavíka. Petr Mervart/Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, Praha 2009.

Hned po vstupním slově editorů se Zdeněk Beneš zamýšlí nad místem historika Jana Slavíka, příslušníka „generace roku 1900“ (Zdeněk Kalista, Otokar Odložilík, Karel Stloukal, šíře pak Jaroslav Prokeš, František Dvořák aj.) a poté, co konstatuje „nepohodlnost“ jeho názorových východisek, uzavírá: „Jinou rovínou nepohodlnosti